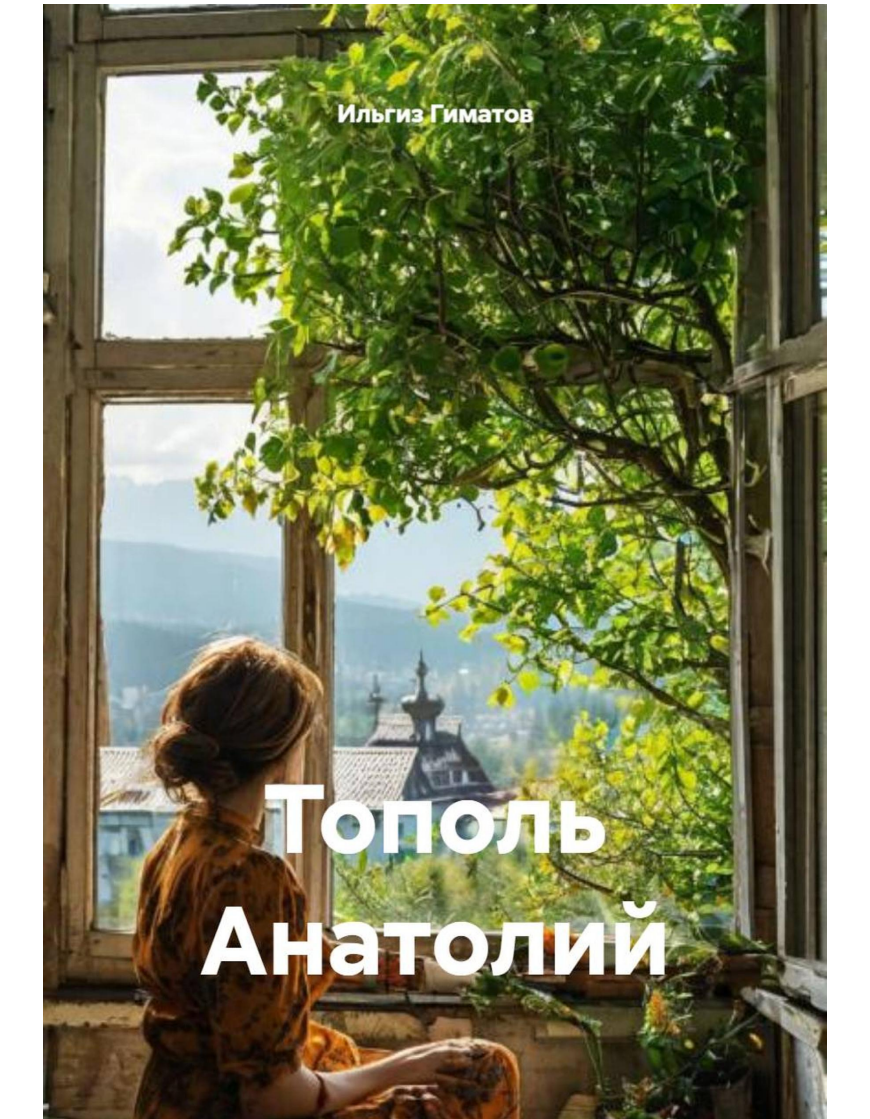

A woman with reddish-brown hair tied in a bun, wearing a patterned orange-brown dress, sits on a windowsill. She is looking out a large window at a scenic view of a town with a church spire and distant mountains. A large, leafy tree branch hangs over the window from the right. The scene is bathed in warm, golden light.

Ильгиз Гиматов

Тополь Анатолий

Ильгиз Гиматов

Тополь Анатолий

<https://litres.ru/73969471>

SelfPub; 2026

Аннотация

На первый взгляд, кажется странным сплетение судеб одинокой женщины и тополя, растущего вплотную за ее окном. Но их сближает тяга к солнцу жизни. Она помогает преодолевать трудности и преграды.

Содержание

Все имеет свое продолжение	4
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Тополь Анатолий

Все имеет свое продолжение

Северный ветер бесчинствует всю ночь. Под его напором качается и скрипит верхними стволами, шебуршит ветвями и шелестит листьями тополь.

До самого утра нет покоя старому толстяку с трещинами-шрамами на грубой коре.

Нет покоя и бабе Шуре.

Она ворочается в постели от постоянной тягучей боли во всех своих суставах и косточках. Иногда, ей кажется, изношенное тело находит удобное, сходное положение под одеялом. И боль немного стихает.

Но от очередного порыва ветра начинает стонать тополь за окном и опять нарастает бешеным потоком тревожный клокочущий шум листвы.

И словно выстрел раздается в голове старухи. Сердце начинает биться часто-часто. Как мышка в когтях у кошки. И боль возвращается вместе со страхом – а вдруг сердце не выдержит этой своей скачки?

И сна нет. Только боль во всем теле. Только черные сгустки одиночества по углам комнаты. И длинная бесконечная ночь.

Утром баба Шура с трудом выходит из оцепенения. Шер-

шавые свинцовые горошины перекатываются в ногах, когда она идет к окну.

– Что ж ты делаешь, Анатолий? Сам измучился и мне не даешь покоя...

Тополь, обвиснув листьями, молчит, не шелохнется. Потупился, как нашаливший ребенок.

– Ты уже не мальчик, – говорит баба Шура. – Вон какой солидный толстый дяденька... А помнишь каким бледным и хрупким был, когда тебя принесли сюда?.. Как давно это было... Шестьдесят лет тому назад. И годков мне было тогда всего-то двадцать три. И была я тогда красавица-раскрасавица. И телом ладная, и лицом пригожая, и мыслями светлая...

На третьем году замужества после многочисленных анализов и осмотров – господи, как стыдно и больно было ей, деревенской, когда мрачный мужик – гинеколог, копошился в ней, казалось, выворачивал внутренности и рассматривал что и как там – узнала Шура в женской консультации, что детей у нее не будет. Никогда.

Красота ее оказалась пустоцветной.

Проплакала ночь.

И смирилась.

Мужу своему, Толику, ничего не сказала. Уж очень сильно он ждал сына. Говорил, назовет его Анатолием. Так, мол, у них в роду по мужской линии принято – первенцев нарекать именем отца. Сам он Анатолий Анатольевич. И отец его тоже Анатолий Анатольевич. И – дед.

Посмеялась поначалу Шурка. А потом, после, как узнала о своем бесплодии, не касалась этой темы.

Иногда подруги по отделочной бригаде подначивали:

– Пора, Шурочка, вам с Толиком ляльку покупать... Или денег не хватает? Займем... Или чем-то другим помочь? Научим. Присылай муженька на стажировку...

И в хохот.

– Какие наши годы, – отшучивалась Шурка. – Успеем!

А в сердце черные кошки точили острые когти.

В тот день с Ленинского субботника Толик принес метровый полудохлый саженец тополя. Его откинули в сторону – забраковали. Толик подобрал. Вместо корня какой-то огрызок.

– Не жилец, сказал увязавшийся за Толиком его армейский друг и напарник по автоколонне Федор Смоляков. Он парень видный – высокий, широкоплечий. Но взгляд у Федора тяжелый и липкий. Глазами при каждом удобном случае раздевает и щупает. Неприятно становится и тревожно. Хотела Шурочка поделиться своими мыслями с Анатолием, но не стала. Горяч муженек. Затеет драку. А этот Федор, говорили, все время с ножом ходит...

– А мы его с любовью... – Толик бережно опустил саженец в ямку. Выровняв ствол, присыпал ямку землей и прихлопнул несколько раз ладонями сверху. – Если с любовью и сухой прутик расцветет в пустыне... Да, Шурочка?

И взглядом горячим и ласковым пронзил ее до самого

сердца.

– Принеси ведро воды, – с восхищением смотрел он, – и бидон – за пивом сбегая пока ты будешь поливать. Бочку прикатали в парк по случаю праздника...

Сухая земля, как губка, вбирала воду.

– Дай помогу, – Федор стал отнимать у нее эмалированное ведро. Накрыл и обхватил горячей ладонью ее пальцы, сжимающие широкую деревянную катушку ведерной ручки.

– Отстань! – вскрикнула Шурка и оттолкнула Федора.

Ведро упало на бок. Вода лавиной обрушилась в лунку с саженцем, смыла землю до корня.

Показалось, тополек испуганно вздрогнул и отклонился в сторону.

Толик вернулся с трехлитровым бидоном пива.

– А где Федя?

– Ушел, – коротко ответила Шура.

Толик подсыпал землицы в лунку к топольку.

– Ну и неумеха ты, Шурочка, – сказал ласково, – чуть не захлебнулся наш сыночек. Давай назовем его Анатолием.

Слезам налились глаза Шурочки. Задрожали мелко губы, загнулись.

Толик поцеловал ее пальцы.

– Я все знаю... В нашем маленьком городке, как в деревне, не хранятся тайны... Врачебные - тоже.

Саженец тополя на удивление быстро взялся расти. Только успевай поливать. За лета вытянулся на метр.

По утрам, проводив мужа на работу – он уходил рано, в настенных часах с гирьками кукушка еще и шесть раз не проголосит, Шурка смотрела в окно на свое деревцо.

– Ну как спали – почивали, Анатолий Анатольевич?

Казалось, что тополь радостно вздрагивал и взмахивал в ответ листочками.

Зимой было сложнее общаться.

Как не старайся разглядывать деревце, надышав проталину в стекле, все равно толком ничего не видно. Торчит какой-то хилый прут из сугроба. И не ответа, ни привета от него.

Зато весной к концу апреля уж каким нежным и веселым становился тополек. Набухшими почками, как кончиками антенн, следил за движением солнца в небе и мельканием Шурки в окне. А потом вдруг за одну ночь взрывался клейкими листочками и сочился терпким смолистым ароматом.

Через пять лет тополь вымахал до второго этажа. Разросся в кроне. Окреп стволом.

– Ну вот, – сказал Толик, – на человека стал похож. Выправился. А то Федька, помнишь, ныл: не жилец...

Тополь с каждым годом становился выше и краше.

А в семье Шуркиной начало происходить что-то не ладное.

Все чаще мрачным приходил с работы Толик. Все чаще от него пахло водкой. И уже он не рассказывал упоенно о том куда ездил на своем самосвале, какие грузы перевозил.

Съедал ужин с безразличными отрешенными глазами и заваливался спать.

И сама Шурка стала чувствовать какую-то не понятную неудовлетворенность жизнью.

В бригаде женщины одна за другой уходили в декретные отпуска. Возвращались и снова уходили. Все разговоры у них были о детках – об их болезнях, о радостях, которые они приносили. Потом пошли рассказы о школьных проблемах и успехах.

Шурка выпадала из этого общения. Чувствовала себя лишней. Постепенно в бригаде стали умолкать в ее присутствии. Да и она сама привыкла работать в одиночестве. Возьмет себе стену в новостройке и в одиночестве ровняет ее раствором и штукатурит. Наедине со своими мыслями. А они-то, эти мысли, не приносили радости.

Однажды в воскресенье, сортируя для стирки одежду Толика, нашлав кармане его брюк пачку денег. Замусоленные желтоватые рублевки, затертые зеленые трешки, затасканные синие пятерки и мятые красные десятки с профилем Ленина были сложены в неаккуратную пачку.

– Премию получил? – спросила.

– Не трогай! – неожиданно зло и резко ответил Толик. – В карты выиграл... Не трогай! Сегодня выиграл – завтра проиграю. Не твое дело!

Потом он перестал приносить зарплату. .

Весной на десятом году жизни тополь Анатолий Анато-

льевич подвергся подрезке. Уж больно шустро рванул вверх. Вот его за это основательно и подчекрыжили работники гор-зеленхоза.

В этот день на работе Шурка неожиданно почувствовала себя плохо. Очень плохо. Голову стянуло жгучей болью, тошнило. И сердце сжималось от предчувствия беды. Хотелось куда-то бежать и кого-то спасать. Еле доработала до конца смены.

У дома ее встретил изуродованный Анатолий Анатольевич. Страшные култышки веток торчали в разные стороны. Будто застывший деревянный взрыв. Каждой клеточкой Шурка чувствовала, как больно тополю.

С трудом открыла дверь в квартиру, выпила таблетку аспирина и упала, не раздеваясь, в неразобранную постель прямо поверх покрывала.

Тополь болел несколько недель. Все это время нездоровилось и Шурке. Полегчало, когда по веткам побежали свежие зеленые побеги листьев.

Однажды летним воскресным вечером у тополя собрались все жители дома. И старые и малые. Вышла и Шурка. Все знали, что это ее дерево. Народ расступился. Подошла Шурка и обомлела. Все листья тополя от нижних толстых ветвей до нежных побегов кроны почернели.

– Быть беде! – прокаркала баба Дуся - старуха из второго подъезда.

– Что ты болтаешь?... – одернул ее рыжий мужик из соседнего дома, подошедший посмотреть по какому поводу собралась толпа у тополя. – Просто изменился состав воды, которую дерево вбирает из земли...

– А что, к этому тополю отдельную водяную линию подвели что ли? – выкрикнул кто-то из толпы. – Вокруг по кварталу все деревья зеленые...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.